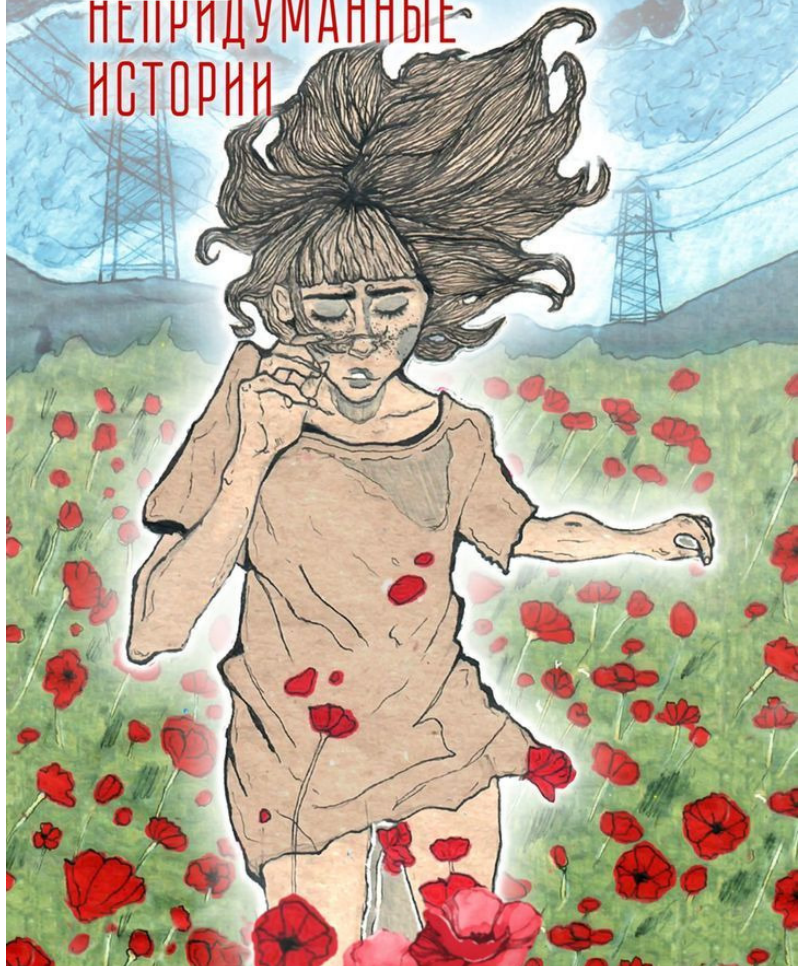

18+

ИДИНА БАВИНА

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Ирина Бавина

Непридуманые истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67688966

ISBN 9785005649485

Аннотация

Дорогие мои читатели! Искренне желаю, чтобы чтение моих невыдуманных историй было вам в удовольствие. Мои рассказы – яркие неповторимые бусины из дней и событий, собранные в прекрасное ожерелье – «моя жизнь». Судьбоносные истории, мистические встречи, картины моих путешествий и приключений, все переплетено здесь. Если вы задались вопросом: «А что такое возможно?» Эта книга – доказательство: да, возможно! Нереальное, мистическое, невыдуманное, чему вы и станете свидетелями. Мира вам и добра!

Содержание

Вступление	5
МЕМОУАРЫ	6
Детство на площади «Трех птиц»	6
Первое воспоминание самое раннее (мне два месяца)	17
От трех до пяти. Истории детства	22
Бабушка Гаша	32
Бабушка Ира	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Непридуманнные истории

Ирина Бавина

© Ирина Бавина, 2022

ISBN 978-5-0056-4948-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

На дворе апрель 2020 года, время, которое буквально сводит с ума. Ежели ты – нормальный человек и стремишься не впасть в уныние в период вынужденной самоизоляции от новой напасти, коронавируса, пора заняться тем, чего ты раньше никогда не делал. Вот результат моего труда и любимое детище – книга, которая писалась потом в дороге, в поездах, в самолетах, редкими одинокими вечерами, когда любимый уходил на службу.

На самом деле, идею написать книгу подали мне мои подруги. Довод был один: «Ты умеешь рассказывать, тебя интересно слушать». Мысль пришла ниоткуда, вдруг и сразу! Захотелось сделать подарок моей дочери и сыну и подписать, как раньше подписывали уже пожелтевшие от времени фотографии – «На добрую память!». Перед вами истории моих встреч, дружбы, вероятного и невероятного, что со мной происходило. Это истории близких мне людей, которых в большинстве своем уже нет рядом с нами и которые сохранили частичку своего тепла о себе в моей памяти и моей душе. Излагаю как могу. Часто вспоминаю, как мой папа говорил: «институтов мы не кончали». Так и я вам скажу – писательскому делу не обучена.

Ваша мама

МЕМОУАРЫ

Детство на площади «Трех птиц»

Родилась я в полдень, в 13:10, 5 марта 1964 года. Папа, Гуров Алексей Михайлович, хотел, чтобы первым ребенком была девочка и чтобы была копией мамы! Довод был следующим: «Я был хулиганом, а дочь такой никогда не будет!» Как мечтал, так и получил: внешне я была очень похожа на маму («Филипповна, моя рыжая», – называл папа маму любя), но вот характер и харизму я взяла от отца.

Принесли меня из Ростовского роддома №5 домой в общую, коммунальную, квартиру, которая находилась в трехэтажном доме №18 на проспекте Стачки в первом подъезде на последнем этаже, номер квартиры не помню. И пока мы жили там, а это было почти четыре года, при мне уже дом перестроили и возвели сверху еще два этажа. Я помню строительные леса, брезент на выходе, подвешенный к кровле парадной, строительный мусор и следы на ступенях от побелки. Во дворе была песочница и две лавочки, на которых постоянно сидели милые бабушки, лузгали семечки и нас, детей, выгуливали. Переселенческая квартира имела три комнаты, где жили три разные семьи. В общем пользовании был коридор, крошечная кухня и еще крохотнее санузел. Соседи

по квартире были людьми добродушными. И впоследствии моя бабушка Ира, когда перебралась к нам насовсем в мою семью семь месяцев от роду, пыталась их даже воспитывать. Напротив нашей комнаты жил дядя Слава, мужчина лет тридцати пяти, высокий с длинными большими руками и огромными ногами. Он носил светлые неглаженные рубашки и, как в армии, сильно заправлял их в брюки-«дудочки», зауженные книзу и о-о-очень «подстреленные», короткие. А вот цвет брюк был, наверное, «модный». У папы брюки были классические черные, а вот у дяди Славы – цвета «детской неожиданности». Когда я на него смотрела снизу вверх, сначала бросались в глаза его огромные черные ботинки, которые он носил зимой и летом, заломленные и мятые на носках и со стертymi каблуками, потом черные старые носки, часть волосатой светлой ноги и потом уже «дудочки».

Однажды он куда-то собирался и тут громко объявил: «Иду в театр!» И это слово вызвало смех всех обитателей коммуналки, почему – не знаю. Но поскольку тогда я знала только про цирк, мне подумалось: «Как хорошо – дядя Слава будет вечером смеяться». В коридоре завоняло одеколоном «Шипр» да так сильно, что бабушка побежала за таблеткой от головы и сказала, что в ее смерти винить надо Славу. Поверх рубашки на воротнике красовалась бабочка. Я такого бантика еще никогда не видела и попросила ее потрогать, но мне сразу запретили: «Руки грязные – испачкаешь». Тогда я быстро убежала в комнату, стащила бабушкин по-

яс от халата, повязала его на шею и вышла. Бабушка увидела, побелела, отшлепала меня и запретила что-либо крутить на своей тонкой шейке, и я заплакала, что никто не понял моей красоты и что тоже хочу в театр.

Вячеслав был холостяком и мужчиной весьма любвеобильным. К нему бесконечно ходили разные девушки, с которыми он знакомился на вокзале. «Может он там работал?» – думала я. Как-то раз я слышала разговор взрослых:

– Где ты их находишь?

– На вокзале и на Центральном рынке, – отвечал он.

Я еще подумала: «Почему теток находят или ищут там? Они – „потеряшки“ – там стоят, а их находят?». Случались по этому поводу различные конфузы. Порой даже доходило до громких разбирательств с тасканием за волосы. Когда Славка попадал в щекотливую ситуацию, и две разные красавицы в одно и то же время появлялись на пороге, он баррикадировался в своей комнатке, закрывшись на ключ, типа, его дома нет, притихал, не дышал и не подавал признаков жизни – нет его дома и все! А бывало и так, что не дышал он не один, а со своей новой подругой. С тех пор, как бабушка стала жить у нас, у Славы наступили тяжкие времена – она его сдавала! Ласковым голосом и тихо говорила очередной пассии: «Девушка, не уходите, стучите громче – он дома. Видно, прилег после ночной смены». Так и отвадила девчонок от нашего дома. И пошел он по девицам сам, а в эту коммуналку старался приводить девушек уже крайне редко.

Как человек Славка был жадным. Покупал говяжью голову, рубил ее и варил холодец. В своей жизни с таким я сталкивалась дважды: Славка – первый и Алексей Павлович, мой свекор – второй, кто варили холодец из голов. На рынке головы со шкурой продавались всегда. Из них делалось головное заливное, которое, может, и вкусное, но в нашей семье это не практиковалось, даже когда денег не хватало до зарплаты. И вот Славка засовывал целиком всю часть говяжьей головы (обычно бралась половина ее) в алюминиевую огромную кастрюлю, и она варилась целый день. Маму от запахов этого варева тошнило. Запах был, конечно, очень стойкий и весьма специфический. Когда все сварилось, начинался ритуал разделывания и разбора костей. Мясо отделялось вилочкой от костей, а оттуда выстукивались мозги. Славка блаженствовал, разделывая холодное, вытаскивал по одному зубу, обсасывал его смакуя и выбрасывал, а затем выбивал ножичком следующий и снова чавкал и причмокивал. Это еще то зрелище, не для слабонервных. Тогда-то я и узнала, что глазки у коровы можно достать. Оказывается, в глазах есть мышцы, и их тоже сосут и едят! Это меня до сих пор, кстати, удивляет. Глазик – большой и серо-беленький, его вытаскивали вилочкой на тарелочку и копались в нем. Самое удивительное – внутри глазика пряталась белая крупная бусинка. Загадка природы! «Как корова туда прятала бусинки? – думала я. – И как бы ее стащить, такую красивую беленькую». И мне это удавалось сделать, зажав ее в своей ма-

ленькой ладошке и убежав в нашу комнату. А самое главное, показать бабушке, какая бусина красивая. Но бабушка забирала ее: «Нельзя! Проглотишь и подавишься! Отдай!» И опять меня ругали, что нельзя брать чужое, что это плохо. Я печалилась и больше этого не повторяла, но ровно до того момента, когда Славка в очередной раз соберется готовить холодное. С этим всем мои познания мира ширились и росли. Могло бы показаться со стороны, что в детстве я была похожа на персонажа из фильма «Семейка Адамс» – дочь Уэндзи, невозмутимая и всегда серьёзная девочка, но в отличии от нее я носила воздушные платьица с рюшами и оборочками, кофточки и колготки, просто куколка. Не взирая на недовольство моей семьи, я с живым интересом наблюдала за всем происходящим вокруг, особенно за Славкиными кулинарными приготовлениями изысков. При этом опыт с зубками у меня был не малый, прочтете позже. Мне эти зубки умершей коровы были интересны. Как же меня привлекал звук, с каким они падали в металлическое ведро, когда Славка бросал их уже чистыми косточками. Они так звонко звенели, стучаясь о металл, и вызывали у меня чисто детское любопытство, живой неподдельный интерес, так сказать. Но ненадолго! Меня хватали за руку и уводили в комнату, не смотря на мое сопротивление и искреннее желание участвовать в процессе готовки.

Славкин кулинарный экстаз бабушка прервала хитро и ловко. Она доходчиво рассказала ему, какой он транжира,

и как это не выгодно и непомерно дорого тратиться на голову, а там-то и есть нечего, кроме щечек. Во всех красках и со всеми подробностями рассказала о его неэкономности. «Холодец вкуснее из других частей говядины, например, голяшки, даже свиные, и то выгоднее», – говорила бабушка. Ключевым словом было «дешевле»! Убедила она его на радость всего подъезда – вони стало меньше. Кстати, холодильника ни у кого и не было. Первый холодильник ЗИЛ появился у нас уже на новой квартире. Зимой продукты выкладывались в сетке-авоське на решеточку за окном. Пакетов полиэтиленовых тоже не было. В магазинах все заворачивали в оберточную бумагу серо-коричневого цвета, которая сегодня уже стала модной «крафт-бумагой». В торговом зале стояли огромные рулоны высотой в метр, отрывались большие листы, а потом разрезались на маленькие для упаковки. Бывало, масло сливочное завернут, а оно подтает, пока до дома донесешь, и счищаешь потом эту прилипшую бумагу ножиком.

Эх! Нескладный, длинный любвеобильный холостяк дядя Слава! Меня он любил. Папу побаивался, бабулю уважал, а мамой восхищался. Помню, как он всегда угощал меня конфетками, сливовые карамельки в синей обертке. Я брала, улыбаясь, говорила «спасибо» и несла в комнату, отдавала бабушке. Та брала их и складывала в карман на фартуке. Кстати, сколько помню, дома бабушка ходила всегда в фартушке. И будучи школьницей, на меня тоже на кухне бабуш-

ка повязывала фартук, уже мною сшитый в школе на уроке домоводства. Карамельки в детстве я не любила, но шоколадки «Аленка» – другое дело – маленькие, вытянутые и очень вкусные. Мне кажется, родители каждый день меня кормили молочным шоколадом ровно, как и черным хлебушком со стаканом молока комнатной температуры. Даже не черным, а серым, за четырнадцать копеек, круглой формы. Это был самый smak нашего детства – хрустящая корочка тепло-го вкусного хлеба. В народе его называли «кирпичик». А если эту корочку натереть чесноком и присыпать солью, так вообще вкуснятина. Хотя этот изыск я распробовала позже, когда пошла в школу.

Во второй комнате жила молодая семья – тетя Тамара с мужем. Его я помню очень смутно: такой тихий, забитый с жиденькими волосиками худенький, нескладный в вечно помятых рубашках. Он был домоседом, а Тамара – звезда. Помню ее завивку и иссиня-черные волосы, алой помадой покрашенные губы, подведенные карандашом стрелки, жирные и черные. У нее была тушь, как ее тогда называли «плевательница». Это черная картонная коробочка, а в ней маленький черный брикетик туши специального состава из мыла и сажи и место для пластмассовой щеточки. Меня больше всего интересовала эта щеточка и как ею можно было поелозить по брикету. Томочка садилась на деревянный табурет в шелковом халатике, редкость и «ого-го» того времени, закидывала ногу на ногу и вглядывалась в круглое зеркало,

стоящее на столе. Часто она выкладывала косметику и оставляла на общем столе в кухне до тех пор, пока однажды туда не забралась я! В итоге все в ее большом сундучке, везде вокруг – на столе и по полу – было засыпано вкусно пахнущей пудрой. Моя рожица тоже была вся в пудре, одежда – в пудре и даже коридор. Тома начала на меня кричать: «Что ты наделала?!» Тут вышла бабушка и сказала: «Не ори на мою девочку! Не надо оставлять без присмотра свои лахундрики! А будешь орать – сама все выброшу!» Тома все забрала, а потом еще подметала всю общую жилплощадь. Стрижка у нее была, как у Олега Попова, очень известного в то время клоуна в цирке. Волосы, как у пугала, мохнатые и торчащие книзу и ровно подстриженные под каре. Единственным отличием был цвет: у клоуна волосы были рыжие, а у Томочки – перманент завитые и иссиня-черные. Бабушка в глаза ее называла нелестно засранкой.

У Тома с ее мужем был сын на пару лет младше меня. Вечно в слезах, простуженный и сопливый, как сказал бы мой племянник сейчас, «дрыщ, а не ребенок». Помню, как бабушка однажды отчитала тетю Тамару, как школьницу, что «ребенку вообще-то нужно одежду стирать, ползунки менять и кушать готовить». Зря ей пыталась возразить Томка. Скандал был... Бабушка очень возмущалась, что белье может недель вонять, скиснув замоченным. Как-то раз, после очередной стычки и ругани с предупреждениями, чтобы Томка убрала белье, которое закисло и стало уже похоже

на желе, бабуля разозлилась, подошла к закрытой на ключ двери молодой мамыши и, сильно покраснев, заорала так громко, что мне даже стало страшно. В ответ Тома, видно, спряталась, как Славка, то есть сделала вид, что после ночи спит или попросту ничего не слышит. Бабушка запыхтела, влетела в ванную комнату, подхватила большой алюминиевый тазик из ванны с криком: «Грязная жидовка! Засранка!!», и белье вместе с тазиком полетело на лестничную клетку. Тут наконец проснулась Томочка, «Разбудили...» – подумала я. Следом за этим, выпорхнув без тапочек, Тома шипела тихонечко себе под нос слова, которые мне нельзя было тогда говорить. Хотя кричать эти неприличные слова на лестничной клетке она не стала, видно, побоялась, что бабушка ее отшлепает и поставит еще в угол, а может, от запаха замоченных тряпочек, или из-за того, что бабушка прошла мимо нее и случайно зацепила плечом. В общем, тетя Тома надулась, обиделась, забрала семью и съехала месяца на три к маме, ровно до нашего переселения на новую квартиру. Потом я слышала, что они вернулись. Да и мы еще долго узнавали о жите-бытье наших бывших соседей.

В то время мои родители дружили с тетей Лидой и ее мужем, который работал вместе с папой, а она – в Горгазе, в абонентском отделе на Западном. Жили они напротив через лестничную площадку в отдельной двухкомнатной квартире, поэтому баталий и сражений, как у нас, никогда не происходило. У них было два сына, один младше меня на год,

другой уже взрослый – школьник. Как их звали, не помню, младшего, кажется, Игорь. Тетя Лида позже стала крестной моего брата Гены. Видно, кто-то из их родственников, а может, и кто-то из них самих плавал или ездил за границу, не знаю. Но у них в зале был деревянный сервант на четырех черных ножках и с выдвижными стеклами, а за стеклом внутри стояли две огромные красивые ракушки, очень изящные разноцветные стеклянные фужеры (видимо, моя непонятная любовь к посуде оттуда) и макет фрегата с белыми парусами. Макет стоял высоко, и на него можно было только смотреть, в руки детям не давали. Я к ним ходила, как на экскурсию. Изредка мне позволяли взять ракушки, прикладывали их мне к уху и рассказывали, что я сейчас услышу море. А море для меня тогда – это там, где «бочка по морю гуляла» из сказки Пушкина. В общем, я ждала, когда царевна позовет меня помочь ей из моря вытащить, но она не звала, и я говорила, что там никого нет, и возвращала эту раковину. Да! Я там впервые увидела пианино. Музицировать мне давали! Это было такое чудесное ощущение, как швейную машинку покрутить. По клавишам я стучала с остервенением, порой и тихонечко. Как же это было приятно – сильно бить по белым клавишам, черные, мне казалось, звучали тише.

После переезда мы с мамой часто заходили к тете Лиде на работу. Может, еще и для того, чтобы оплачивать газ. Она была такая красивая, с большой грудью, в кримпленовом модном коричнево-зеленом коротком платье. Губы бы-

ли накрашены перламутровой помадой, стрелочки на глазах. Она очень была похожа на красивую актрису, которая с «режиссером Якиным собралась на море». Лидочка всегда улыбалась. Судьба ее мне запомнилась. Как-то она увлеклась по-серьезному. Причем в шестом классе значение слова «увлеклась» мне было уже понятным. Это значило, что она влюбилась. Мама моя была в курсе этих событий. Вообще многие доверяли моей маме свои тайны, а я уши свои везде развешивала, не все понимала, но все знала. Муж тети Лиды узнал о ее измене и устроил козни с дележкой, разводом и кучей грязи. Она пережила очень, хотя разъехаться им так и не удалось. В итоге Лидочка неожиданно быстро заболела раком и скончалась в свои 38 лет.

Дети, после этих историй я сделала следующий вывод: нужно обращать внимание, где ваш маленький ребенок. Он все слышит и ничего не забывает. Будьте бдительны, не стоит им некоторые вещи слышать и знать.

Первое воспоминание самое раннее (мне два месяца)

Мой род по маминой линии был простой, дружный, искренний, добрый и очень трудолюбивый. Когда мне было два месяца отроду, моя мама собралась и повезла меня к себе в деревню на Украину показать меня своей маме, тетушкам, дядюшкам, дедушкам, бабушкам – всем родственникам, одним словом. Мама рассказывала, что, узнав о нашем приезде, сразу собрались гости: тетя Люся, двоюродная сестра моей мамы, бабушка Гаша, ее сестра Килина (Акулина на русский манер) и мама. Развернули младенца и встали вокруг меня. Первой взяла меня на руки Килина и начала причитать да отчитывать маму за неопытность и нерадивость. «Смотри, – говорит, положив меня на одну руку, головкой на ладонь, а ножки свесила с руки у локтя. – Ты видишь, какая она зажатая, скрученная, как фасолька. Почему массаж не дела-ла? Тело ребенка должно быть не зажатым, а как тесто, расте-каться. Но ничего, поправим». К слову, все в роду моей бабушки были врачами, травниками, повитухами (женщины, наученные принимать роды, как современные гинекологи, но без медицинского образования). Бабушка Гаша рассказывала мне о своей маме, как в любое время суток за моей прабабушкой, с которой по понятной причине я не была знакома (к тому времени ее уже не было в живых) могли при-

ехать на телеге и забрать на пару-тройку дней в другое село к роженице. Были еще и другие умения, передававшиеся у них в роду: лечить сглаз, испуг выкатывать яйцом, грыжу пуповую у малых деток влегкую «выгрызали». Я не пробовала заниматься такими чудесами, мне не передалось, но удивительным образом, попади я в сложную ситуацию, я не растеряюсь. Оказии такой просто не случилось.

И вот бабушка Килина, старшая сестра моей бабушки Агафьи, прервала оханья-аханья и рассматривание, какая я хорошенькая, пресекла восторги и сказала твердо, чтобы ей не перечили, а теперь – за дело – начала делать обряд. Я благодарна этой ведунье, она мне дала здоровье и сделала счастливой. А было это так, со слов мамы: забрала она меня к себе, натопила хату, хоть и май месяц на дворе был, приказала бабушке принести особые травы (моя бабушка знала толк в этом деле и мне показывала, какие лечебные травы нужны и как собирать), сделала отвар и уложила меня в оцинкованную ванночку. Тогда были только такие, с ручками в торце и глубокие, пластиковых ванночек не производили, попросту пластмассы не было. Затем она выгнала всех из светелки и под иконами начала шептать, отчитывать надо мной молитвы, может, и заговоры какие, но удивительно другое. Когда мне мама об этом рассказала, я ясно увидела эту картину: морщинистое лицо этой милой крупной женщины в платочке с такими добрыми глазами, ее улыбка, спокойный ласковый голос, нашептывающий обращения к Деве Марии. Она

держала в руке какую-то старинную книгу и подсматривала туда. Этот факт вообще не поддается моему объяснению. И после того, как надо мной «поколдовали», предварительно сделав массаж, я заснула и проспала сутки. Как только мама ни старалась меня разбудить и грудь пыталась дать, чтобы покормить – все усилия были напрасны. После этого обряда я никогда и ничем не болела. В детстве, в два года, я болела только корью, а до года была тихой, улыбчивой, спокойной и упитанной девочкой. Это уже потом стала «энерджайзер». В детстве и юности были еще у меня случаи, когда я что бы ни сказала, что бы ни пожелала, все сбывалось. Я как будто бы видела будущее. К примеру, если не хватало мелочи на мороженое, я всегда находила недостающие монетки. Или загадаю – и в миг подойдет именно мой автобус. Я всегда знала, когда меня вызовут к доске в школе и с особым усердием именно к этому дню готовила домашнее задание.

И вот что еще случилось на Украине в то время. Мамина тетка Килина на тот момент практически не слышала, потеряла слух еще в детстве. Не могу вспомнить причину, хотя мама мне говорила. На память приходит только тиф, которым она переболела и как осложнение оглохла потом. И вот меня привезли, со мной наигрались, и вдруг тетя Килина стала слышать два дня спустя. Бабушка Гаша и мама очень сильно «здивувалися» (укр. *удивились*). Тетка мамы сделала вывод: «Значит, мой черед пришел». А через три дня пошла она по воду с ведром к колонке к деду Филе на подво-

рье в сад. Тогда были самодельные деревянные колонки, как ручной насос, вниз-вверх поднимаешь ручку и качаешь воду. Из колонки вода была вкусная, холодная, сладкая – природная. Присела значит она возле колонки с набранным ведром воды и... Так и нашли ее там мертвой. Мама в горе рвалась на похороны: «Хотя бы до кладбища дойти! – просилась она проводить покойную. – Дочку возьму на руки, а за ограду не пойду». Тут как все родные зашипели, запричитали и запретили это делать – нельзя и все тут, из дому носа не показывай!

Недавно я узнала, что беременным и младенцам нельзя быть на похоронах. Всем известно, что во время ритуала крещения к младенцу приставляется ангел-хранитель, который на протяжении всей жизни сопровождает его и оберегает от напастей. В период, когда женщина вынашивает ребенка, она пребывает в особенном магическом состоянии. Пока малыш не появился еще на свет, он не имеет личного защитника. Нерожденные дети легко поддаются под влияние тёмных сил, поэтому посещение кладбища в этот период крайне нежелательно. Какую глупость я по незнанию совершила в своей жизни! Будучи беременной Катюшей, я попала на похороны Лёни, родному брату свекрови. Меня попросили натереть лапшу на поминальный стол. Я, конечно же, согласилась помочь. Моя мама не знала, что я попаду на похороны, а родные Сережи в приметы не верили, а может, и не знали, что нельзя. Когда все поехали на кладбище, я осталась одна

в пустой квартире и забилась на кухне, было жутко. Слышала, как его дух рядом ходит, а сама посуду протирала, лапшу варила, но откровенно не по себе было. Послушайте меня и запомните: не надо беременными ходить на похороны и на кладбище. Берегите своих деток и себя, мои девочки.

От трех до пяти. Истории детства

Наша комнатка в общей квартире была крошечная в 10,5 квадратных метров. Не знаю каким образом, но в эти метры родители умудрились разместить кое-какую мебель. Имелся огромный древний диван, обшитый темно-коричневый дерматином, с высоким ограждением от стены и круглыми подлокотниками. Он не разбирался, но пружины там были отменные, и я на нем так любила прыгать и совершать такие пируэты, что бабушка хваталась за сердце. Диван стоял в правом углу возле двери. С ним впритык стояла родительская металлическая кровать, застеленная двумя пуховыми перинами, а сверху – жаккардовым белым покрывалом. Большие и мягкие подушки накрывались вышитыми фатиновыми накидками, из которых такая нарядная фата получалась на моей голове и носилась с гордостью. Помню, как я крутилась в ней перед зеркалом трехстворчатого деревянного шкафа. Подушки ставились одна другую и очень важно было, чтобы уголки подушек не были заломлены, а торчали остро как копыя. Перины и подушки были приданым моей мамы. Их сделала вторая добрейшей души бабушка Агафья Петровна Белоус, в девичестве Мельничук, которая жила на Украине во Врадиевском районе селе Юзефполь. Это сказочный уголок моего детства, где я проводила каждый год каникулы до восьмого класса. Месяц-полтора у бабули Гаши

и месяц на море в пионерском лагере.

Возле шкафа стояла моя металлическая кроватка, обтянутая сбоку белой сеткой, похожей на рыболовную, чтобы ребенок не вылезал и не выпадал во время сна. Бывало после сна сидела тихонечко, как мышка, а до первого года моей жизни я была ангелом спокойным, и не дождавшись, когда ко мне придут, я умудрялась, как говорила бабушка Ира, «наложить», и все что «наложила» хорошо втереть и размазать по этой сетке и по всей кроватке. Пару раз думаю, что я попробовала своего дермеца. Родные надо мной смеялись и подтрунивали, припоминая мне это, когда я стала старше, но при этом меня обнадеживали, что если малыш своих, пардон, какашек поест – богатым будет. У меня оправдание иное: я была девочкой любопытной, все на ощупь и на зуб пробовала, что до сих пор и продолжаю делать. Позже моя кроватка перешла по наследству Гене.

Под кроватью в деревянном ящике стояла швейная машинка «Подольск». Об этой машинке я не могу не рассказать. Благодаря ей и поженились мои родители. Моя мама в возрасте пятнадцати лет уехала от своей мамы, бабушки Гаши. В то время обязательное образование состояло из семи классов. Паспорт выдавался в шестнадцать лет, с которым и можно было только покидать свое место жительства. Поэтому мама со своей подругой, которая была на год старше, сходили в сельсовет и сказали, что утеряно свидетельство о рождении. Управляющая сельсовета сильно была за-

нята, документы (журнал регистрации) не стала искать, может, после войны и немецкой оккупации он и вовсе пропал или сгорел. И служащая со слов мамы выдала ей новое свидетельство не 1939 года рождения, а 1938, тем самым добавив ей к возрасту еще один год.

Двоюродный брат мамы Николай забрал ее потом к себе из деревни в г. Винницу. Там он работал директором маслозавода. Впоследствии мама с огромной благодарностью вспоминала те два года, что прожила с ним, его женой и их мальчишками, маленькими на тот момент. На заводе платили очень хорошую зарплату. Никто не воровал ни масло, ни сливки. Директор разрешал брать сливочное масло по килограмму в день и по литру сливок. Мама иногда брала, а иногда – нет. Но отзывалась, что масло было вкусным, а самым отменным было то, когда наливаешь его еще не застывшим в банку. Представляю себе взбитые перегнанные сливки! Также мама рассказывала, что кожа рук была всегда нежной, ведь те самые сливки были лучшим кремом для рук. Практически всю зарплату она отсылала маме. Бабушка очень сильно болела, несколько раз она страдала воспалением легких. А на руках бабушки Гаши оставался младший брат моей мамы, дядя Ваня.

Николай уговаривал маму поступить в техникум. Однажды приехал родной старший брат, дядя Саша, и сказал маме ехать с ним в Николаполь. У него родился сын, и он начал строиться, ему нужна была помощь. Но Николай не уставал

ее уговаривать не уезжать и остаться учиться, да и вообще они жили вместе в ладу. Но мама уехала и попала, как говорят, в самое полымя: и цемент мешала, и за годовалым ребенком ухаживала, и еду готовила – все было на ее плечах. А еще работа – она пошла работать на трубный Никопольский завод. В общем говоря, истинное рабство. Когда о ее житье-бытье выпытала бабушка Гаша, а маму стало «качать от ветра» – так истощена она была, случился скандал. Мама очень переживала, как невольно стала «вражиной» невестке, тете Соне.

Благо, помогли подружки. Той осенью, когда освободилось место в общежитии, они ее позвали к себе и стали жить втроем в комнате. В общежитии только у мамы была швейная машинка. Папа приехал в командировку на этот же трубный завод, и его поселили в комнату на время пребывания. И как-то так получилось, что у него по шву порвались брюки на самом «интересном» месте (сзади), и ему сказали, что у одной Милы есть швейная машинка, ее-то и можно попросить их отремонтировать. Он пришел, постучался в комнату, дверь открылась, и тут он увидел маму. И все! С этой поры все командировки были только в Никополь. А 23 февраля мама и не заметила, как оказалась уже в ЗАГСе. Уже позже мама делилась со мной, что она и не замечала, что ребята на нее засматриваются. Но время было иное, скромное, и все побаивались открываться и признаваться в своих чувствах. И как оно бывает всегда, только она собралась в ЗАГС, как

объявились и другие женихи с уговорами выйти за них замуж. Но выбор мамы пал на папу. Мы старались с братом всегда поздравлять родителей с их датой – 23 февраля. Эта дата, для меня во всяком случае, была такой же значимой, как дни рождения папы, мамы, Гены, бабушки, да и мой тоже. Прожили они долго и счастливо, и мы отметили сорокалетие их совместной жизни в 2003 году. Отец был ярким, красивым и модным, однако, не за это мама его полюбила. Он совершал истинно мужские поступки, обладал тонким чувством юмора, никогда попусту не болтал и всегда держал свое слово. Отец любил маму, столько уважения и теплоты проявлял к ней и шутливо называл «Моя Филипповна, рыжая». Пишу о нем, а слезы так и душат – не хватает мне папы. И сколько бы времени ни прошло со дня его ухода из жизни, не стихает теплая тоска. Папа, поговорить бы с тобой...

Значит, эта самая швейная машинка и соединила маму с папой и долго еще нам служила: шили мне платья, мои задания по домоводству исправно исполняла, бабушка Ира шила постельное белье для наших нужд, наволочки и простыни, а мама – пододеяльники. В магазинах продавалась ткань, которая, конечно же, была дешевле, поэтому в доме было все свое. Хотя помню, у нас было постельное белье, которое, видно, в Воинской части продавали (по сути таскали простыни у солдатиков и продавали задешево). На таких простынях стояла печать в углу, черная и большая. Некоторые простыни были красивые с зеленым рисунком – Мин-

здрав. Это уже скорее всего, в госпитале продавали из-под полы. У нас была стопка таких простыней. Все было в дефиците или очень дорого. Я научилась шить именно благодаря машинке мамы. Но насколько же увлекательно было в детстве покрутить ручку. Эх, первая машина в моей жизни!

Теперь давайте перенесемся на площадь «трех птиц», так называли в народе площадь Дружинников. Это народное название площади дали три значимых сооружения, находящиеся тогда там: Милиция, или «Черный Ворон», как называли милицейскую машину «бобик» из-за ее черного цвета (отделение сейчас там по-прежнему есть, но уже это полиция Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону), Кафе «Чайка», где продавали мороженое в хрустящих стаканчиках – шарики пломбира в безумно вкусных вафельных конусах (снесли эту «стекляшку», когда модернизировали кинотеатр в торговый центр «Сокол») и кинотеатр «Сокол», кстати там тоже между сеансами в фойе продавали то же мороженое. Прожили мы в этом районе в тесноте да не в обиде четыре года.

Бабушка была 1900 года рождения, и семнадцатого апреля у нее был день рождения. В силу своего характера, чтобы не быть нам в тягость, она устроилась на работу в нашем доме убирать подъезды. Не помню, сколько составлял ее оклад, рублей десять в месяц, кажется, но помню, с какой гордостью она пыталась отдавать свою зарплату родителям. Те, в свою очередь, отказывались принимать эти деньги. У нее был беленький выцветший носовой платочек, в который она завя-

зывала узелком аккуратно сложенные в четыре раза бумажные купюры, и клала его потом в шкаф на полку под глаженные простыни. Причем, в то время ворам не составляло труда найти деньги, у всех они хранились в бельевом шкафу на верхней или второй полке под стопкой простыней. Тем более двери в квартиру не закрывались, когда хозяева были дома, а если квартира закрыта, ключ можно было найти под ковриком у входа. Еще большее счастье, прям до слез, бабушке доставляла неожиданно-негаданно начисленная пенсия в размере двадцати рублей как вдове пропавшего без вести мужа на войне. И вот она начала получать пенсию. Это уже было при мне, когда мы жили на Западном в 1970 году. Эти деньги она гордо отдавала в бюджет семьи. Сколько ее помню, бабуля всегда готовила кушать. Первое (суп, борщ) каждый день было свежим, по понятной причине – холодильник-ка-то нет. А какие у нее были вкусные котлетки из государственных свиноговяжьих биточков по 1 руб. 10 коп. за килограмм, куда добавлялся чесночок. Эх, вкуснятина! Были и такие блюда, которые я не воспринимала на дух, но их любили бабушка и родители. Например, я отказывалась кушать рыбу: покупалась красная рыба, сильно засоленная в бочках, бабушка ее отваривала и говорила, что это вкуснятина, но я ее не понимала, эту вкуснятину.

С бабушкой мы ходили гулять в сквер, который тянулся по проспекту Стачки от площади Дружинников до Переходного моста. Развлечений было немного: на площадке одино-

ко стояла лестница и турникет, качелей не было вообще, зато была песочница с желтым крупным песком, где мы делали пасочки и с завидной периодичностью закапывали выпавшие зубы бабушки Иры (это в продолжение моей «зубной эпопеи»). Она их сама расшатывала и выдирала, я же при этом с радостью их сажала и в надежде ждала, что вырастит красивое зубное дерево с новыми зубками, и мы вставим бабушке новые. Но дерево никак не росло. Бабушка скончалась 1982 году, когда ей было восемьдесят два года и на верхней челюсти впереди у нее оставалось только три зуба.

Зимой сквер достоин отдельного внимания. Для прогулок в нем у меня была коричневая шубка из мутона, очень теплая и тяжелая, и такая же мутоновая, но черного цвета, шапочка на завязках-шнурках, под которую повязывался хлопковый платочек, на ножки одевались валенки, но без колош (видно, только для снежной холодной погоды), и в этом виде я выходила на улицу в мороз. Бывало, выходим с бабушкой в парк погулять, и она мне говорит: «А давай-ка шубку почи- стим!» И я падала со всего разбегу, насколько я могла тогда разбежаться, во всем своем теплом одеянии в снег. Его было много, и он был глубокий и пушистый, меня и видно не было. Вообще на моей памяти снега много было до года 1975. Потом зимы стали менее снежными, и сугробы помельчали. На наших прогулках бабушка мне рассказывала сказки. Я же все умоляла бабушку походить по переходному мосту, но она была непреклонна. Это потом я поняла, что вверх надо было

пройти огромное количество ступеней, что ей было тяжело, и к тому же она побаивалась высоты.

В один из летних августовских дней 1968 года, бегая с соседской детворой во дворе нашего дома, я предложила им пойти со мной в парк. Мне тогда было четыре года. В ответ согласилось четверо малышей двух-трех лет, среди которых я оказалась старшей. И мы потихонечку сбежали в сквер. Туда мы дошли благополучно, идти – представить страшно – расстояние в две остановки, и залезли на мост. Я ликovala – ура, моя мечта сбылась! Я помню, как мы туда потом обратно, потом снова туда забирались и ходили там, заглядывая вниз из-за прутьев ограждения. Однако я не бегала и присматривала за всеми как старшая, заставляла держаться их за ручки, а сама крутила головой то влево, то вправо. Поскольку машины были очень редкими, внизу видно было только дорогу. И вдруг из неоткуда появилась на нашем пути счастья женщина лет сорока-сорока пяти. Она обратилась к нам с вопросом, где наши взрослые. Ну я и рассказала, что они во дворе, а мы просто сами по мосту гуляем. Где дом – я знала и показала рукой. Она взяла всех за руку и повела по другой стороне улицы к книжному магазину «Кругозор», что был напротив нашего дома на проспекте Стачки. Тем временем какой переполох поднялся во дворе. Сначала бабушки метались по двору – пятеро детей исчезло, потом – в милицию. И только спустя час идем мы, нагулявшиеся и улыбающиеся. Увидев нас, как кинулись они нас

обнимать – и по домам. Мама с папой уже вернулись домой, отпросившись у начальства с работы – ребенка же украли! Мама на меня налетела, «хочет убить», отшлепать, а я вообще не пойму почему. Папа меня за спину спрятал: «Не бей! Она – моя дочь!» С того дня с детей глаз не спускали даже соседи. Я до сих пор помню, какое это было счастье, когда идешь сам по мосту и смотришь сверху вниз. И скажите, почему люди не летают, как птицы?

Бабушка Гаша

В моей жизни происходили события, правдивость которых невозможно доказать скептикам, но они прожиты и испытаны мною лично. О них я очень хочу поведать вам в следующей серии рассказов.

К бабушке Гаше, Агафье Петровне, меня отправляли, как правило, с шести лет на месяц-два в деревню на каникулы. Жила она в глубинке на Украине, в Николаевской области, Врадиевский район. Места там необыкновенные и живописные, картинки которых живо всплывают среди моих детских воспоминаний. Бабушка была красавицей, родилась в 1910 году. Замуж пошла по любви, причем эта история для меня была, как сказка. Сватались к ней с предложением много хлопцев. В итоге родителям очень приглянулся один парень Петр из очень богатой и зажиточной по тем временам семьи. Назначили свадьбу, и ровно в канун этой свадьбы бабушка сбежала с моим дедом, Филиппом Валериановичем, с которым у них была тайная любовь. Хотя «Филя был гол, как сокол», все же бабушка пошла наперекор решению отца с матерью. Договорились они и сбежали в соседнее село в километрах пятнадцати от их деревни, чтобы не нашли и не вернули. Филипп хоть и был беден, но смог накопить небольшие деньги и, что удивительно, сразу подвернулся неплохой дом для покупки. Люди, продававшие хату, по-

просили совсем маленькую по тем временам плату. Молодые были счастливы, и бабушка не могла нарадоваться такой удаче. Расписались в сельсовете и въехали в этот дом. Как положено тогда, да и сейчас, при покупке дома нашли кошку и пустили в дом первой. Она была большая и ласковая, прибилась к ним и не уходила. Бабушка всегда любила животных, и они к ней тоже льнули. Через три дня после свадьбы и новоселья дед уехал на покос. В то время отпусков не было, за прогул карали строго, вплоть до тюремного заключения.

Бабушка же начала приводить в порядок новое владение. Молодого супруга рядом нет, а одной не спится. И однажды бабушка зажгла поярче свечи в светелке и занялась шитьем. На дворе стояло лето, дверь была открыта, а над входом висело рядно, дорожка, сотканная вручную и защищающая от мух и комаров, туда-сюда шевелится, хотя ветра не было. Сначала бабушка подумала, что это кошка трется. Раз на нее прикрикнула, та поутихла, вроде. Через какое-то время опять начало ходить ходуном да посильнее. Бабушка не выдержала, взяла веник, попавшийся под руку, и со всей силы запустила в дверной проем. Половица срывается с двери, а там огромный черт стоит. Я бабушку потом спрашивала: «Что правда, прямо-таки черт?» И она отвечала: «Да, во весь проем, черный, лохматый, вместо носа пятак, как у свиньи, глаза черные, на голове рога и с копытами, стоит на двух ногах и зубы скалит». Бабушка, увидев его, упала на пол на колени и давай молиться. Тут такой грохот

прокатился! Бабушка подняла глаза – никого нет. Схватила первое, что попало под руку, выбежала на улицу и провела за забором всю ночь, трясясь. Сама она больше порога дома не переступила. Муж приехал к утру. Дом поставили на продажу за те же гроши, что взяли. И рассказывала потом, что там после них поменялось немного хозяев, но так никто и не прижился. Я же, услышав ее рассказ, ночью спала только с ней, да покрепче прижавшись.

Вот еще интересная история от бабушки. Дед ушел на фронт, и приходили от него письма-треугольники, не виделись они три долгих года. Только эти скупые весточки сообщали, где он и как. Письма бабушка хранила, мне их показывала и аккуратно заворачивала в беленький платочек, а потом в сундук складывала. Когда немцы отступали, и пришли наши освободители, маме было четыре годика. На пороге стояла ранняя осень, дети бегали и играли во дворе. Моя бабушка позвала их обедать, а мама моя остановилась, подняла глазки и говорит: «Я не буду. Оставь мой хлеб тате (папе). Он придет, его покормить надо». Бабушка забежала в хату и заплакала. Успокоившись, вышла и еще раз приказала идти есть, мама уже в слезы: «не буду!» и все тут, так и не прикоснувшись к скудной еде. Проходит часа четыре, ближе к вечеру бабушка выходит на крыльцо и видит: «Мой Филя по огороду идет. Я присела и сказать ничего не могу. Слезы сами льются, платочком вытираю, а сказать ничего не могу». К нему уже дети бегут: «Тато, тато, татусь!» По-

был он день, а дальше снова в поход. Это была их последняя встреча. Бабушка мне говорила, что малые дети все видят и предсказывают. Все равно неясно, ну как Мила в четыре года могла знать, что отец заедет.

Дед мой пропал без вести. К бабушке заезжал его сослуживец после войны и сказал, что он подорвался на mine, рук и ног лишился, но остался жив. Тут бабушка как ожила и обрадовалась, воспряла духом от этой новости и ответила, что заберет. Со слов бабушки, она объездила все Одесские и Кишиневские госпитали и интернаты, обила все пороги, посылала запросы, но никто ей так и не выдал тайну, где он. Время было суровое, таких людей-инвалидов не возвращали родным и близким и закрывали в домах-интернатах. До сих пор помню ее слова «пусть без ног, без рук, но лишь бы был рядом и живой». И столько боли и любви было в этих словах бабушки, что усомниться в них было нельзя.

Когда мне было тринадцать лет, мы жили в трехкомнатной квартире на Западном. Обе бабушки доживали с нами. Бабушка Ирина, о которой я писала ранее, семнадцать лет жила с нами. Бабушка Гаша прожила с нами год и умерла в 1979 году в семьдесят три года от рака легких. Помню, как мы узнали об этом страшном диагнозе в больнице, куда мы привезли бабушку Гашу на скорой помощи, потому что она уже начала откашливаться кровью. Никогда не забуду приемное отделение: большая светлая комната на первом этаже вся в белом кафеле, стол, кушетка, пара стульев, а позади

стола дежурного врача висел на стене плакат, написанный перьями черной и красной тушью. На листе ватмана были выведены красивые буквы: «Каждый больной должен знать, от чего он умер!» В человеке, написавшем это, видимо, говорил истинный философ. Может, из-за неуместности этого черного юмора в приемном покое больницы я и запомнила эту фразу на всю жизнь.

И вот мы привезли бабушку в конце октября в городскую больницу №20. Там взяли кровь, сделали рентгеновский снимок и отпустили домой, отказав в госпитализации. Выдали этот снимок на руки, дали направление в ЦГБ на консультацию в онкодиспансер. Позже мама попала на прием к врачу, который выписал бабушке направления на расширенные анализы. Бабушка сама по себе была худенькой, а тут вообще начала таять на глазах. Через несколько дней мы должны были получить результаты этих анализов и узнать вердикт врачей. На повторном визите мы были уже вдвоем с мамой. Врачи сидели в подвальном помещении центрального здания ЦГБ. Операционное отделение находилось на третьем этаже. Я осталась в коридоре у двери одного из кабинетов, которых было четыре в этом крыле. Посетителей было немного, по одному-два человека у кабинета. Мама зашла и через какое-то время вышла вся бледная и расстроенная. «Пошли!» – кинула она мне, и мы вышли на улицу. Везде лежала желтая свежееосыпавшаяся листва кленов и других деревьев, было промозгло, сыро, холодно, сыпался мелкий дождь. Ма-

ма оперлась о дерево и беззвучно заплакала, уткнувшись себе в плечо. Я так растерялась, обняла ее нескладно: «Мамочка, мамочка, что сказали?» Она ответила, что рак. У меня потекли слезы, но я заплакала не от вынесенного диагноза, а оттого, что стало безумно жалко маму. Я впервые ее увидела горько плачущей. Потом она собралась с силами, успокоилась и приказала мне: «Ты ничего не говоришь бабушке! У нее только воспаление легких». Так и лечили мы ее от этой хвори до конца ее дней. Бабушка постоянно спала на диванчике в маленькой комнате. Кололи ей уколы стеклянными шприцами того времени, которые сначала кипятились вместе с иглой в контейнере из нержавеющей стали минимум минут двадцать и потом доставались оттуда пинцетом. Такой контейнер у меня сохранился уже как реликвия благодаря Сереже. Довелось и мне делать уколы таким шприцем, когда я болела. Когда кашель у бабушки шел с кровью, поили хлористым кальцием, а мокрота отходила обильно. Но все было напрасно, и она умерла 21 января утром.

В тот день мы с мамой были дома. Мама поднялась к тете Мае, соседке из двенадцатой квартиры. Вдруг я услышала, как бабушка начала хрипеть и задыхаться – у нее началась агония. Я тут же бросилась за мамой, в один миг мы слетели с четвертого на третий этаж. Где была вторая бабушка – не помню, но хорошо помню себя и маму: она стояла на коленях перед бабушкой, плакала и обнимала ее, а я стояла в двери. И впервые в своей жизни увидела, как на тебя смот-

рят, когда умирают, этот взгляд, когда глаза мутнеют, зрачок сужается, и в них угасает жизнь – они уже не смотрят. Последний выдох, такой тяжелый. Душа выходит из тела. Рука неестественно падает. И тишина... Однако меня это не испугало, но стало так жалко маму. Она плакала навзрыд. Зашла бабушка Ира и попросила громко не рыдать: «Нельзя. Не пугай душу. Два часа еще душа будет возле тела». Мама пошла в ванную, и оттуда приглушенно доносилось, как она взывала.

Я уже и не вспомню, кто из соседей помогал, кто обмывал тело, как одевали бабушку, не помню, кто позвонил папе на работу. Он быстро приехал, зашел тихо, опустив голову, такой грустный и потерянный. Спустя годы он рассказывал, что в соседней девятиэтажке на первом этаже последнего подъезда жил знакомый. Он работал на кладбище, или это его знакомые работали там, но этот человек позвонил и договорился сделать на северном кладбище могилу рядышком с управой. И денег за это никто не брал! Просто вот так, по соседски, помогали друг другу. Помню, как быстро привезли гроб, деревянный и обитый красным сукном, его поставили в зале на наши белые деревянные табуреты. Мне пришлось дважды ходить мимо гроба с бабушкой, чтобы пройти на балкон, и один раз лезть аккуратно в сервант за посудой в нижний отдел, а гроб-то позади тебя. В этот момент становилось особенно жутко, находясь с покойницей одной в комнате. И еще мне вспоминается, как вынесли покойную

и поставили попрощаться возле подъезда на те же табу­ре­ты. Руки ее были сложены на груди и держали деревянный крестик. Холод стоял сильный, мороз, шел снег, а бабушка в летнем ситцевом темно-синем платье в цветочек с рука­вами в три четверти. И мне все время хотелось вернуться домой на третий этаж и взять ее пальтишко, чтобы укрыть бабушку – она же замерзнет, ей же холодно...

Привезли нас на кладбище в автобусе. Кладбище меня не пугало. Там рядом с бабушкиной могилой, свежевыкопан­ной экскаватором в виде одной траншеи с насыпной пере­городкой, уже стоял длинный синий гроб. Над ним убива­лась старушка – сына хоронила. Побитый сильно лежал он в гробу, страшное зрелище. Старалась отвести свой взгляд, но нет-нет, да и посматривала на соседнюю церемонию. Ря­дом со мной стояли родители и родственники, поэтому я спокойно смотрела на все происходящее без страха. Сейчас понимаю, что мне многое было неясным, ребенок же еще, а то были те самые чувства и эмоции, которые пришлось пе­реживать впервые, и совсем еще не изведенные. И вот ба­бушку похоронили.

Мы вернулись домой, а спать мне страшно. Я легла с ма­мой, Гена – с бабушкой Ирой. На следующий день мама по­шла на работу в ночную смену. На диван, где умерла бабуш­ка, было страшно ложиться. Я – в слезы, и бабушка Ира пред­ложила: «Давай так, Гена со мной на разобранном диване в зале, а тебе перину на пол рядышком постелем». Так и сде­

лали, легли и быстро заснули. Дни были очень насыщенными. В полночь ни с того ни с сего я просыпаюсь, открываю глаза и вхожу в ступор – в состояние, когда твое тело тебе не подвластно, и ты от ужаса не можешь пошевелиться. Я лежу на полу и вижу рядом табуреты. Смотрю на них снизу и вижу их с нижней стороны, где они были плохо покрашены, белые со всех сторон, а внутри зеленая незакрашенная краска. На табуретах стоит гроб, обитый по бокам красной тканью, как стоял два дня назад в этой же комнате. Снизу у него были плохо отесанные доски, а в нем – белой тюлью укрытая бабушка Гаша. Она лежит в гробу, как лежала до погребения, немного наискосок ногами к двери, но я вижу ее снизу и сбоку и вижу отчетливо. Внезапно она медленно поднимается и садится в гробу, руки на груди держа. Я хочу закричать, а не могу. Этот ужас я никому не советую пережить. Я начала себя щипать, но видение не уходит. Я все-таки смогла подскочить, до боли зажмурила глаза, вцепилась в сонную бабушку Иру, подняла всех и Гену тоже. Расплакалась и сказала, что на пол одна больше не лягу. Втиснулась между стеной и Геной. Но спать потом в этой комнате – ни-ни. Только будучи уже замужем с Сережей спали там на разложенном диване. И то мне все время что-либо там виделось и мерещилось. В подтверждение, что я не одна такая видящая, подруга моя, Мананка, как-то у меня ночевала со своим младшим братом Гикой. Тогда гости к тете Мае нагрянули, а у них двухкомнатная квартира была, и нужно было всех

гостей как-то разместить. Манане и Гике постелили постель в этой комнате на разобранном диване. Засиделись мы тогда допоздна, подружки были – не разлей вода. Тем более было что обсудить: пришла весть, что наш приятель Витя из соседнего дома вдруг ни с того ни с сего сегодня умер. Ему исполнилось шестнадцать лет, на год старше меня, а Мананку, получается, на два. Мы не знали о его болезни, умер от белокровия. Для нас это был шок, это было так неожиданно. Он был такой красивый, очень славный, единственный сын у матери. Манана ему очень нравилась. Мы с ней сошлись во мнении, что у него были сильно фиолетовые ногти при жизни. Вспомнив об этом, решили, что это такое проявление болезни, и улеглись спать. Среди ночи Манана проснулась, прибежала ко мне в спальню и разбудила: «Я Витю видела, пришел попрощаться. Он походил туда-сюда по комнате, плавно так, будто плыл по воздуху, остановился у меня в изголовье, попрощался и ушел через окно на балкон». Ее трясло от страха, еле успокоились обе. Заснули кое-как тревожным сном, но в итоге на похороны не пошли. Позже мне попался научный журнал, в котором я нашла такое научное объяснение: любой предмет может сохранять свой фантом несколько дней. А еще есть примета, что нельзя ложиться спать на место, где умер покойник или где стоял гроб с покойным, особенно родственникам, как минимум девять дней.

Еще была одна мною проверенная и безошибочная тео-

рия. Смерть среди наших домов гуляла по часовой стрелке: сначала в 231-ый дом приходила, потом – в 229-ый, потом – в 231/3, а потом в наш дом навевывалась. По часовой стрелке людей забирала, гуляя по кругу, но не каждый год, в високосный же год – крест-накрест. Я точно знала, в какой дом придет, а вот кого именно заберет, знать – не знала и знать не хотела. Бегали мы еще гурьбой, когда музыканты играли похоронный марш, чтобы посмотреть на похороны, обычно молодых и почетных провожали с музыкой, которая была естественным атрибутом похорон.

Бабушка Ира

Родители все время были на работе. Мама пошла работать, когда мне было восемь месяцев, и со мной дома оставалась моя бабушка. Бабушка Ира была потрясающей свекровью, она очень любила и защищала нас, ее внуков, берегла маму и уважала папу. Готовка, дети, магазины – все было ей по силам. Прожили мы вместе с бабушкой долгих семнадцать лет. Мое детство очень скрасили бабушки.

В мои семь месяцев от роду к нам переехала бабушка, папина мама, олицетворение моего тепла и любви, Ирина Васильевна Гурова (в девичестве Ускова). Женщина, которая была эталоном и образцом сильной русской женщины, моя умница. Ее поступки, слова, наставления, отношение к жизни – это тот фундамент, на котором созидался мой характер и мое будущее. В нашей семье был культ бабушки. Никто не мог ей возражать и не слушаться. Даже мысль огрызнуться и нагрубить бабушке просто не представлялась возможной, и такого никогда и не случилось! Сейчас пишу о ней и улыбаюсь, родная моя «Арина Родионовна», как у Пушкина, кормилица.

О своем деде же, Михаиле Антоновиче, я узнала только от бабушки. Папа о нем никогда не рассказывал, а я почему-то никогда и не спрашивала. Подсчитав, могу сказать, что моему отцу было восемь лет, когда призвали деда на фронт,

и он так и не вернулся с войны. Бабушка получила похоронку о том, что пропал без вести. В повествовании о своей жизни бабушка Ира как-то поделилась своей историей. Снится ей сон, как она со своими тремя сыновьями пошла по улице, где они жили тогда в городе Шахты Ростовской области, в самое ее начало. Я даже припоминаю, о каком доме говорила бабушка, где забор стоял на каменном основании. Она мне его показывала в детстве. И рассказывает же дальше, стоит на этом каменном основании поп в черной рясе с большим крестом на животе и раздает толпе людей крестики, причем разные. «Я – говорит – подхожу, он мне в руку передает три маленьких крестика для детей и один большой черный крест: „На, возьми, это тебе!“ И тут проснулась я и завывала, поняла, что погиб мой муж, твой дед». И вправду, он так и не вернулся. Я в детстве, слушая бабушку, про себя мечтала, чтобы дедушка не погиб, а сбежал бы в Америку и жил бы там с другой семьей. Он был очень умный, или как сейчас бы сказали, предприимчивый. Но вестей так и не пришло ни из Америки, ни из России. Пропал без вести. Даже некуда поехать цветы положить и поклониться ему.

Буквально две недели назад, в июне 2020 года, я узнала, где поженились дед с бабушкой. Совершенно случайно из интернета я узнала о месте, откуда призывался родной брат бабушки, дедушка Гриша. Корни моего отца тянутся из Рязанской области Сапожковского района села Кривель, места рождения бабушки Иры, его мамы. После замужества

она перебралась в село Дмитриевка, рядом с тем селом, в семи километрах от силы. Мне в детстве бабушка говорила, что она с тех мест, где родился Есенин. И теперь я точно знаю, где это. Дед был легендарным. Бабушку он засватал, когда ему было девятнадцать лет, а ей – двадцать один год. По меркам того времени она была уже старой девой. Бабушка утверждала, что красавицей никогда не была: маленькая на кривых ножках и с бесцветными серыми глазами. Жила она в богатой семье, зажиточной. Как-то раз зимой, сидя на кухне, когда мне было тринадцать лет, бабушка рассказывала: «Иринка, у меня было две шубы: одна мутоновая, а вторая – из светлого руна и подбитая изнутри мехом морского котика; три тулупа: один из овчины, один вышитый нарядный и дубленка „с чем-то“». Я слушала, открыв рот, так как дубленки той порой только входили в моду, а у меня была искусственная шубка, нифига не греющая, коричневая с капюшоном, как тогда говорили, шуба из дохи. Что такое «доха», я до настоящего момента не имела представления. По мне, так это «дохлая негреющая шуба». (В этот момент я решила все-таки посмотреть значение этого слова.) Оказывается, ДОХА (калмык.) – это шуба мехом внутрь и наружу. В общем слушала бабулю и восторгалась. Сколько братьев и сестер у нее было – не знаю. Знала только про одного родного ее брата, деда Гришу. О нем тоже будет рассказ, но позже. Сегодня обратилась к «Гуглю», так я называю интернет, и обмерла: в селе Кривель на обелиске 24 человека с фами-

лией Усков. Наверняка это наши родственники по бабушке Гуровой (Усковой) Ирины Васильевны. Позвонила Гене, моему любимому брату, тот выслушал и в ответ спрашивает: «Ну что, поедем?» Ага, в карантин прям нас туда и пустили.

У деда, Михаила Антоновича Гурова, 1903 года рождения, и бабушки, Ирины Васильевны Гуровой (Усковой), 1900 года рождения, было шестеро детей, но трое старших умерли во младенчестве, в возрасте до года. Четвертым родился дядя Вася, старший брат папы. Родился он в Рязанской области 6 января 1930 года (по паспорту). В то время уже во всю шла коллективизация, сопровождавшаяся неизбежным раскулачиванием и голодом. Дед собрался и уехал за счастливой жизнью в Ростовскую область работать в город Шахты. Там он записался и, окончив курсы, стал машинистом паровоза. Свекровь, моя прабабушка, когда исполнилось девять месяцев Васе, и прошло шесть месяцев спустя после «бегства за хорошей жизнью» ее сына, бабушкиного мужа, посадила мою бабушку за стол и сказала: «Не гоже жить порознь. Собирайся к мужу!» До сих пор в голове не укладывается, как женщина с грудничком на руках села в теплушку и поехала неизвестно куда без предупреждения, но рискнула! Она-то и поезда в жизни не видела. Трое суток добиралась она в город Шахты к деду. Нагрянула нежданно-негаданно, разогнала всех подружек, и стали они жить на улице (кстати, я помню эту улицу) Гоголя в доме номер тридцать два. Там в 1933 году двадцать девятого июля ро-

дился мой папа, и в 1937 году – младший брат отца, дядя Витя.

Дед был настоящим добытчиком. Первая кухонная посуда, хорошие металлические кастрюли были в доме у бабушки, водились денежки, и перед самой войной дед раздобыл большой отрез метров двадцать пять сукна, серого шерстяного. Как говорила бабушка, она всю войну его благодарила за сукно. Для пацанов шила брючки, рубашки. Этим и перебивались. А так и надеть-то было нечего в то время. Своих детей дед любил, играл с ними. Но бывало, увлекался женской красотой. Бабушка его контролировала. Однако семью чтит, руку на бабушку не поднимал. И вот в далеком 1941 году шестнадцатого октября Шахтинский ГВК призвал дедушку на фронт. Ушел и пропал без вести 19 июня 1942 года (как считалось), о чем есть запись в картотеке за май 1943 года. Справку Гена нашел в интернете на сайте «Мемориал», вот такую маленькую весточку мы получили из прошлого. А бабуля так и не дожила до этого. «Очень было обидно, – говорила бабушка, – сегодня забрали, а на следующий день пришла бронь на машиниста поезда. Очень востребованы они были на войне. Может, и жив остался бы». Бабушка мечтала узнать и поехать к нему на могилку, но где пропал дед, где лежат его останки, мы, его потомки, так и не узнали. Хотя у меня еще надежда не угасла, вдруг повезет, и найдут его поисковики. Но, увы, пока нет.

В интернете есть информация, что «19 июня 1942 года,

на 363-й день войны, на северном участке под Севастополем войска вышли к большой Северной бухте. В руках противника здесь осталась только Северная коса с артиллерийскими батареями. Положение на участке 30-го армейского корпуса не изменилось – захвачен участок железной дороги Волчанск-Белгород севернее Волчанска. На остальных участках фронта никаких изменений не произошло. Только на Волхове противник снова предпринял мощные атаки против группы Ванделя и благодаря недостаточной поддержке наших войск авиацией, действия которой были скованы плохой погодой, добился тактических успехов». Получается, что Михаил Антонович или в Севастополе лежит, или с генералом Власовым воевал и попал в котел, погиб или плен. Может, на Сопун горе, где в это время шли ожесточенные бои. Я же склоняюсь к мысли, что все-таки в Севастополе.

В 1932 году они вселились в готовый дом, купленный дедом Михаилом. Домик, в котором они жили, снаружи был покрашен сине-зеленой краской, внутри крошечный по нынешним меркам, метров тридцать площадью. Я там бывала в детстве. Деревянный, покосившийся и очень низкий, три малюсенькие комнаты отапливались углем. Печка еще сохранилась, но уже не топилась. Я застала уже батареи водяного отопления, видно, к моему времени прогресс все-таки дошел. Стены были оштукатурены и покрашены побелкой. Помню деревянный потолок из досок, покрашенный масляной белой краской. В деревянную круглую балку перекры-

тия (по сути обыкновенное бревно) на потолке было вкручено огромное, как мне тогда казалось, кольцо в палец толщиной и сантиметров пятнадцать в диаметре, которое служило креплением для люльки, но ее саму я не видела. Бабушка рассказывала, что папа и дядя Витя спали в этой люльке маленькими. В очень крошечной светелке, метров двенадцать, которая служила залом, висели ходики, часы в форме деревянного домика. О, как они мне нравились! Они тикали, снизу висели цепочки с тяжелыми чугунными шишечками, за которые можно было дергать или просто трогать, кукушка тоже была, но она не куковала. Они тикали так громко, от чего в домике становилось очень уютно. У Любочки, моей двоюродной сестры, на подоконнике в самой маленькой дальней комнате стояли милые часики, очень интересные, в виде девочки. Она шевелила глазками влево и вправо на каждый шаг секундной стрелки, а внизу двигались попеременно ножки. У меня таких не было, поэтому я им и приделала «ноги», сломала, толкая туда-сюдадвигающийся механизм и ловя «живые глазки» своими маленькими пальчиками.

Во дворе поодаль, в метрах пяти, отдельно возвышалась над домом летняя кухня, однокомнатная белая хатка со ступенями и с печкой, выложенной кирпичом и отапливаемой углем. Там готовили еду, летом обедали, варили варенье, солили огурцы, помидоры, капусту, там же эти закрутки и хранились. Повсюду во дворе на земле лежали камушки рыжего,

черного, желтого цвета. Это отходы от сожженного угля, которыми выстилали дорожки. В огороде росла зелень и овощи: свекла, лук, картошка, морковь. Бабушка рассказывала: «Во время войны мы от голода не пухли: сеяли, растили огород, ухаживали за коровой и трудились с утра до поздней ночи. А вот те, кто ленился – те умирали». Какие деревья росли в саду – не помню, кроме вишни перед домом возле зеленой калитки. В конце огорода с покосившимся забором из палок с правой стороны стоял такой же деревянный некрашенный полусгнивший туалет. В досках были большие щели, через которые изнутри было видно огород и прилегающую территорию. Я боялась туда ходить, там жужжали и летали мухи, дурно пахло, и пауки вили паутину. Туалетной бумаги в помине не было. Были листочки из старых газет, аккуратно порванные и нанизанные на большой гвоздь возле двери. Ими и пользовались в обиходе, но предварительно надо было сильно «пожамкать» листик старой корреспонденции. Дверь просто прикрывалась, и закрыть ее не представлялось возможным, так как она уже перекосилась и держалась на «добром слове», но держалась, хотя петли были старые уже и ржавые. И все это можно было потерпеть, изредка посещая этот домик, но пауков я боялась до смерти, поэтому бабушка позволяла присесть где-нибудь, не доходя до него. А вот ночью если вдруг нужно сходить было до «ветру», как говорили, для этих нужд в предбаннике стояло оцинкованное ведро с зеленой отбитой крышкой. Со времен войны практически

все так и сохранилось, кроме новой построенной летней кухни.

Про военные годы бабушка Ира вспоминает, что они выжили еще благодаря корове и двум участкам земли в одиннадцати верстах от дома. Там бабушка сажала кукурузу, которая давала неплохой урожай – сорт был хороший, початков навязывалось по четыре-пять штук на растении. Белая, вкусная и красивая была кукуруза. В будущем этот сорт папа привез на Украину к другой моей бабушке Гаше. Соседи в очередь становились, чтобы бабушка Гаша поделилась кукурузой на семена. Полोल, сеял, ухаживал, а потом и собирал кукурузу с матерью мой папа. Работали на участке целыми днями, от рассвета до заката. На корове возили мешки с урожаем. Витька дома оставался на хозяйстве, да и был совсем маленький. Дядя Вася пас корову, доил ее, а потом продавал молоко, сметану, масло на рынке. Карточек не было, так и выживали. Как-то раз за столом папа рассказал такую историю. Однажды уже в конце войны сильно уж нагрузили они корову и «подорвали» ее. Что это значит, я только примерно понимаю, но все равно не совсем. Корова заболела и отцу пришлось вести ее на бойню. «Я – говорит – веду ее, а сам реву, а у нее такие глаза, как будто все понимает и плачет, так на всю жизнь и запомнил этот взгляд Зорьки».

Позже уже в этом доме жил дядя Вася, старший брат моего отца и мой крестный, со своей женой, тетей Катей, и моей любимой сестренкой Любочкой. Не помню, в каком году они

все же продали этот домик, но точно после того, как дядя Вася получил квартиру от работы, рядом с Артемом в поселке Заводской. Деньги, вырученные от продажи дома, отдали бабушке, а та поделила их. Большую часть она отдала папе, почему-то мне кажется, в сумме пятьсот рублей. В то время это были огромные деньги. Со слов мамы, до появления меня бабушка еще жила там с семьей Василия. Будучи уже работая в Ростове, папа мотался каждые выходные к своей матери, а позже и с моей мамой после их свадьбы. Возил гостинцы, деньги, еду, одежду, он очень заботился о своей маме.

Вспоминаю, как бабушка ходила всегда в платочке, беленьком хлопковом и с милым орнаментом из синих или черных цветочков. Волосы были негустые, но всегда собирались черными шпильками в пучок и закреплялись гребешком, такой полукруглой пластмассовой расческой с слегка извилистыми зубьями. Она делала гулю, вставляла гребешок и сверху надевала платочек.

Я многим рассказываю, как мне в жизни повезло: уклад, уважение и почитание старших заложены с молоком матери в нашей семье. Это очень помогало. Все в этой жизни зависит от воспитания. Бабушка для нас была святой в доме. И она учила меня: «Запомни, внученька, будешь выходить замуж, пусть муж будет рябой, кривой, некрасивый, но русский». Это говорилось без какого-либо националистического умысла, а с тем, что если мне придется жить в семье дру-

гой национальности, то всю жизнь потом буду доказывать, что я хоть и пришлая, но лучшая. «Если муж поднимет на тебя руку, собирай детей и уходи. Независимо, есть ли в чем или куда идти, главное, уходи и больше не возвращайся. Жизни не будет, все равно будет бить». «Если хочешь устроить скандал, взбучку, ругань со своим мужем, имей в виду, что ты на сто пудов права, но тебе первой и мириться придется». «Никогда не позволяй ругаться матом дома, особенно в присутствии мужа. Ты будешь ругаться, а он больше твоего будет поносить тебя бранными словами». «Если хочешь, чтобы был вкусный борщ, должно быть много мяса и обязательно двух сортов – свинина и говядина, и все продукты – свежими». Эти наставления, да и не только эти, очень мудрые. Я, в свою очередь, их своим детям передала.

Три сына моей легендарной бабушки были удивительно похожи на героев из русских сказок: «Старший был дедина, средний был – ни так, ни сяк, ну а младший вовсе был дурак». Хотя внешне все весьма красивые, дядя Вася, мой крестный, был похож на бабушку, а младшенькие, кареглазые – в деда. Образование дать удалось только одному из трех братьев – дяде Васе. Он закончил «семилетку» (столько лет тогда учились в школе). Папа же всегда говорил, гордясь, когда спорил, доказывая свою правоту: «Мы институтов не кончали!» Или: «У меня всего лишь четыре класса церковно-приходской школы».

Детство их выпало на лихое и горькое время, была вой-

на. Шахты 206 дней были оккупированы немцами. Сейчас, когда уже открываются архивы, можно многое прочесть и узнать. Вот что довелось узнать мне на одном сайте в интернете. Всего за время оккупации города было выслано в Германию около 3500 жителей – это 20 эшелонов, преимущественно юношей и девушек в возрасте 15—20 лет. Царил террор. В связи с политикой «нового порядка» фашистскими руководящими органами был издан целый ряд новых более жестких приказов по усилению террора. Так, например, в «Инструкции по борьбе с партизанами на Востоке», изданной главным командованием сухопутных войск осенью 1942 года, при проведении карательных операций против партизан и тех, кто им помогал, требовалось применение «чрезвычайных мер» как к партизанам, так и ко всем гражданским лицам, вплоть до расстрела и повешения. Эта варварская инструкция несколько позже была дополнена приказом Кейтеля от 16 декабря 1942 года, действовавшего на основе указаний Гитлера. Данным приказом войскам вменялось в обязанность применение любых средств, в том числе против женщин и детей, для подавления сопротивления. Особенно свирепствовал в городе гестаповец Дэппе. Имея агентуру из предателей-местных обывателей, он выуживал важную информацию о настроениях в городе, принимал непосредственное участие в арестах, пытках и расстрелах (в том числе стариков, женщин и детей). Расстреливали коммунистов, руководящих работников города, чле-

нов их семей, просто невинных жертв по доносам. Палачей не трогало, кто перед ними: старик, женщина или ребенок. Незадолго до освобождения города на двух подводах привезли ребятишек из приюта и сбросили в ствол шахты живыми. После оккупации специальной Чрезвычайной Комиссией по расследованию злодеяний фашистов в Шахтах было установлено, что в городе гитлеровцы замучили и расстреляли 13854 человека.

Рассказываю это, чтобы показать весь ужас бытия моей бабушки Иры и трех ее пацанов, переживших это суровое время тут, совсем рядом, ведь Шахты-то всего лишь в полутора часах езды от Ростова. И вот одна шалость-геройство моего отца, о которой я узнала. На Артеме (именно так местные называли район города Шахты) по прилегающей улице, где жил папа, ехал грузовик и вез одежду для фрицев. Отец со своими друзьями-приятелями, тогда им всем было по девять лет отроду, запрыгнули в крытый грузовик и полмашины обмундирования сбросили на слякотную дорогу прямо в грязь. Спрыгнули в последний момент и в рассыпную разбежались и спрятались. Немцы выскочили из кабины и три очереди из автомата полетели им вслед, но мальчишкам несказанно повезло. Бабушка была ни жива, ни мертва, когда узнала о «подвиге» героя. Зато маленький партизан был уверен, что он – герой-мститель! Получил от матери «на орехи» по полной. Мать хорошенько хворостиной «отходила» его и прятала. Потом еще неделю не выпускала

на улицу. А на ближайшей улице провели чистку изверги – постреляли подростков. Сколько постреляли, не знаю.

Слухи о зверствах в основном распространялись на базаре. Там никто ничего не продавал, но процветал обмен, менялись всем. Туда ходила или сама бабушка Ира, или старший брат Вася. Он был очень спокойный и рассудительный и справлялся с обменом хорошо. Молоко, сметана, сливки выменивались на спички, сало, свечи и т. д. Все новости о происходящем в городе Вася приносил тоже первым. Он и рассказал своей маме об этих зверствах. А у папы, видно, был хороший ангел-хранитель, раз жив остался. «Это подвиг разведчика» – я слышала от папы. И когда я его просила рассказать мне про детство или юность, он отвечал, что был шпаной и хулиганом. Для маленькой справки, к тридцати девяти годам жизни отца на Артеме из его большой компании сверстников в живых остались только двое друзей-товарищей его возраста. Он называл только их прозвища, но в моей памяти их имена не сохранились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.